

ДИСКУРСИВНЫЙ СТАТУС КАТЕГОРИИ НАРРАТИВНОСТИ

Статья посвящена категории нарративности, освещение которой в лингвистическом ракурсе раскрывает многоаспектность исследуемого феномена. В процессе повествования нарративность приобретает статус базовой характеристики когнитивно-дискурсивной деятельности субъектов нарративной интеракции.

Ключевые слова: прагматическая матрица, субъект высказывания, коммуникативная перспектива, когнитивная перспектива, чередование перспектив.

Понимание нарративности в современной филологической науке свидетельствует о многоаспектности этого явления, что с неизбежностью порождает множество интерпретаций данного термина. В литературоведении представление о нарративности связано с фикциональными текстами и вымышленными мирами, нарративность рассматривается в классической филологии как качество коммуникативной структуры текста и отмечено присутствием опосредующей инстанции (нарратора), структуралистское понимание связывает нарративность со структурой повествуемого [1, с. 13].

В лингвистической парадигме категория нарративности рассматривается наряду с другими категориями, текстуальностью и фикциональностью, в рамках когнитивно-дискурсивной исследовательской перспективы в качестве явления, определяющего способы протекания коммуникации. Причиной возрастающего внимания к качественным характеристикам деятельности коммуникантов является признание того обстоятельства, что условием и порождающим началом многообразия форм взаимодействия социальных субъектов является языковая деятельность индивидуумов, регулируемая сформированными в коммуникативных средах алгоритмами вербального поведения и допускающая одновременно определенную степень личной свободы, что свойственно, главным образом, художественной (литературной) коммуникации.

Следствием растущего понимания повествования как процесса, как следует из сказанного, становится формирующееся представление о нарративности как о качестве деятельности субъектов общения в условиях специфической коммуникативной практики, художественной (литературной) коммуникации. Предпосылкой для решения проблемы в лингвистике становится обращение к анализу явления, получившего название «перспективизации» (Perspektivierung).

С понятием «перспективизация» акцент в лингвистическом анализе переносится на взаимосвязи элементов, на пространственные и временные ха-

рактеристики, связывающие объекты в «истории» [2]. Определяющим началом в это новом понимании процесса смыслопорождения в нарративном тексте становится идея о принадлежности каждого сегмента изложения целостному представлению о конечном продукте, что вызывает к жизни понятие «типы референциального движения» (Typen der referentiellen Bewegung), свойственные тексту. Референциальное движение, связывающее высказывания текста, отражает выбор автора, основными сигналами которого становятся личные местоимения [2, S. 68]. Итогом рассуждения является предлагаемое авторами разграничение основной (Hauptstruktur) и второстепенной (Nebenstruktur) структур художественного текста, что позволяет разграничить передний (Vordergrund) и фоновый (Hintergrund) планы изложения.

Особенностью современного понимания названных категорий является постепенное смещение акцента в представлении о нарративности с «истории» (das Was einer Darstellung) на дискурс рассказывания (das Wie einer Darstellung) [3, S. 308]. Лингвистическая перспектива исследования обнаруживает определенную двойственность, свойственную пониманию категории нарративности, заключающаяся в том, что этим термином обозначаются как нарративные структуры, так и сам повествовательный процесс. Исследование процесса рассказывания позволяет выделить в качестве основных характеристик повествования его структурированность и оценочный характер. Общий смысл рассказывания получает формулировку «проектирование альтернативных миров, сопровождаемое оценкой» (bewertbarer Entwurf alternativer Wirklichkeiten) [3, S. 314]

С пониманием особой роли акта рассказывания связана предлагаемая нами возможность трактовки повествовательного процесса, которая основана на том, что процесс структурирования и оценки совершается в рамках *прагматической матрицы*, своего рода схемы языковой деятельности, заполнение которой оставляет достаточно свободы для

* © Данилова Н.К., 2017

Данилова Нина Константиновна (danilova_nina@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

обоих участников художественной (литературной) коммуникации, автора и читателя. В основу подхода положено предположение о том, художественная коммуникация использует в процессе общения определенные *образцы вербального поведения*, способные регулировать взаимоотношения участников в литературной коммуникативной практике. В основу вербального поведения в этой сфере практической языковой деятельности положены как универсальные модели интеракции, так и специфические модели, свойственные данному виду коммуникативного взаимодействия.

В художественной (литературной) коммуникации в полной мере представлены универсальные формы коммуникации, *стратегическая*, ориентированная на понимание и воспроизводящая нормы общения естественной коммуникации, и *кооперативная*, имеющая целью организацию взаимной рефлексивной деятельности участников общения, что предполагает наличие развитой аргументативной структуры в содержании текста [4, С. 96]. Предлагаемое разграничение связано с существованием семантических категорий, ориентированных на внешнюю ситуацию («положение дел») и на установление контакта между участниками дистанционного диалога («ситуация общения»).

Структура дискурса рассказывания, по нашим наблюдениям, свидетельствует о многослойности наррации, о формировании повествовательного процесса в рамках выбранной автором стратегии развития сюжета. Выбор возможен благодаря выработанным в языковой практике универсальным алгоритмам вербального поведения, в которых находят отражение способы «полагания» мира, отражающие когнитивные установки субъекта рефлексии и установку субъекта восприятия, кроме того язык предоставляет в распоряжение художника набор моделей вербального поведения, позволяющий чередовать позиции субъекта речи, адресата и позицию наблюдателя, располагающегося вне событий.

Универсальные модели, свойственные как устной, так и письменной «ситуации рассказывания», создаются на основе эгоцентрической модели речевого акта (первичной семантической модели *hic et nunc*). Семантика дейктического знака, обретаемая им в контексте использования, формирует уникальную конфигурацию субъектных перспектив, в которых находят отражение поведенческие стратегии автора, их реализации служит *прагматическая матрица*, необходимая для управления коммуникативным взаимодействием со-субъектов общения.

В исследуемой нами нарративной интеракции вариации моделей создаются взаимодействием коммуникативных и деятельностных перспектив в позиции субъекта высказывания, образующей ячейку «прагматической матрицы». Если выбор коммуникативной перспективы в высказывании и последовательности высказываний (секвенции и дискурсе) определяет прагматический план изложения, то выбор деятельностной перспективы определяет способ представления «положения дел» (семантическую организацию), что предполагает как разграничение типов субъектов, так и детальный ана-

лиз их комбинаторики в повествовательном процессе.

В рассказе Г. Гессе «Pfarrhaus» персональная перспектива повествования многократно меняет свою структуру, начальная конфигурация которой создана когнитивной установкой субъекта рефлексии, сопровождающейся изменением коммуникативных ролей субъекта речи и наблюдателя:

(1) An diesem schönen Hause vorüberwandernd, das gibt *einem* einen Hauch von Sehnsucht und Heimweh, mit Sehnsucht nach Stille, Ruhe und Bürgertum. Heimweh nach guten Betten, Gartenbank und Düften einer feinen Küche, dazu auch nach Studierzimmer, Tabak, alten Büchern. (2) Und wie sehr habe ich in meiner Jugend die Theologie verachtet und verspottet! (3) Sie ist, wie ich heute weiß, eine Gelehrsamkeit, voll Anmut und Zauber, sie hat es nicht mit Lunereien zu tun wie Metern und Zentnern, auch nicht mit schnöder Weltgeschichte, worin beständig geschossen, Hoch gerufen und verraten wird, sondern sie befasst sich zart und fein mit innigen, lieben, seligen Dingen, mit Gnade und Erlösung, mit Engeln und Sakramenten (H. Hesse, S. 47).

Прагматическая матрица повествования, сочетающая в себе перспективу *наблюдателя* (принадлежащую ситуации общения) и перспективу *рефлектора* (характеризующую основу повествования), в начальном высказывании (1) сопровождается делюкутивизацией субъектной позиции, выдвигающей на передний план рефлексивную перспективу, сформированную модусом воспоминания (*gibt einem einen Hauch von Sehnsucht und Heimweh...*). Объективная коммуникативная установка наблюдателя (позиция венаходимости) необходима, с одной стороны, для создания общего для участников диалога (автора и читателя) исходного «положения дел», с другой, открывает возможности для продолжения дискурса рассказывания в выбранном ключе. Следующее высказывание (2) содержит в прагматической матрице другую комбинацию субъектных ролей, субъекта речи и субъекта рефлексии, реализации которой служит ряд грамматических процедур: введение личного местоимения первого лица и формы перфекта (*habe ich ... verachtet und verspottet*), использование императива, служащего выражения оценки происходящего. Сохранение рефлексивной когнитивной установки поддерживает единство начальной секвенции рассказа, завершающейся сменой модуса изложения (*Sie ist, wie ich heute weiß, eine Gelehrsamkeit...*), модус воспоминания (3) сменяется актуальным модусом, о чем свидетельствует комментарий, выраженный парантезой (*wie ich heute weiß*). Последовательность высказываний, в этом случае, формируется благодаря неизменности коммуникативной перспективы субъекта речи.

Развивая рефлексивную основу изложения, Г. Гессе выбирает для последующего изложения модус воображения:

(4) Wunderbar wäre es für einen Menschen wie mich, hier drin zu wohnen und Pfarrer zu sein! Gerade für einen Menschen wie mich! (5) *Wäre ich* nicht der Mann dazu, hier in einem feinen Hausrock hin und wieder zu gehen, die Birnenspaliere im Garten zärtlich und doch nur geistig und gleichnisweise zu

lieben, Sterbende im Dorf zu trösten, in alten lateinischen Büchern zu lesen, der Köchin milde Befehle zu erteilen und am Sonntag mit einer guten Predigt im Kopf über die Steinfliesen nach der Kirche hinüber zu wandern? (H. Hesse, S. 47–48).

Процесс проектирования мира рассказа следует той же модели, рефлексивная установка, созданная модусом воображения и реализованная с помощью сослагательного наклонения (wäre es, wäre ich), сопровождается чередованием коммуникативной перспективы наблюдателя (безличная форма грамматического субъекта es) и перспективы субъекта речи (личная форма ich).

Сформированное комбинаторикой перспектив смысловое напряжение рассказа (свидетельством чему является выбор риторического вопроса) разрешается в одной из следующих секвенций:

Kurz, *ich würde* eigentlich in diesem Hause kein Pfarrer sein, sondern derselbe unstete und harmlose Wanderer wie jetzt, ich würde niemals Pfarrer sein, sondern bald phantastischer Theolog, bald Feinschmecker, bald stinkfaul und hinter den Weinflaschen her, bald auf junge Mädchen vergessen, bald Dichter und Mime, bald heimwehkrank mit Angst und Weh im armen Herzen (H. Hesse, S. 49).

Глубочайшая ирония Гессе, которой проникнуто содержание рефлексивной игры в рассказе «Pfarrhaus», реализуется, как можно убедиться, не только с помощью оценочных средств, но и, главным образом, благодаря вариации и комбинаторике перспектив и на основе создаваемых ими контраста и смыслового напряжения.

Подводя итоги, можно утверждать, что категория нарративности обладает дискурсивным статусом, связанным с деятельностью создателя художественного текста, и определяется функционированием когнитивных и коммуникативных перспектив. Переход от одной субъектной перспективы к другой маркируется сменой местоименных форм субъекта, форм времени, наклонения, типов предложения, что обеспечивает связь событийной структуры и ситуации общения.

Библиографический список

1. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (Studia philologica).
2. Klein. Wolfgang Stutterheim von, Christiane. Textstruktur und referentielle Bewegung / Text Structure and Referential Movement, Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik, 22:86 (1992). p. 67–92.
3. Zeman, Sonja / Blanck, Wiebke / Ott, Christine / Rödel, Michael/Staffeldt, Sven. Was bedeutet eigentlich erzählen? Linguistische und didaktische Annäherungen an einen schwierigen Begriff // Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes. Göttingen V& R unipress GmbH Robert-Bosch-Breite, 2017, S. 307–329.
4. Habermas, Jürgen. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. 607 S.

Источники фактического материала

Hesse, Hermann. *Wanderung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984, 128 S.

References

1. Shmid V. *Narratologiia* [Narratology]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003, 312 p. (Studia philologica) [in Russian].
2. Klein. Wolfgang Stutterheim von, Christiane. Textstruktur und referentielle Bewegung. In: *Text Structure and Referential Movement*, *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 22:86 (1992), pp. 67–92 [in German]
3. Zeman, Sonja. Blanck Wiebke. Ott Christine. Rödel Michael. Staffeldt Sven. Was bedeutet eigentlich erzählen? Linguistische und didaktische Annäherungen an einen schwierigen Begriff. In: *Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes*. Göttingen V&R unipress GmbH Robert-Bosch-Breite, 2017, pp. 307–329 [in German]
4. Habermas, Jürgen. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984, 607 p. [in German].

Source of factual material

Hesse, Hermann. *Wanderung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984, 128 p. [in German].

*N.K. Danilova**

DISCOURSE STATUS OF THE CATEGORY OF NARRATIVITY

The paper deals with the category of narrativity, which from the linguistic point of view displays a multi-sided approach to the phenomenon in question. In the process of narration it acquires the status of the basic feature of cognitive-discursive activity of the narrative interaction participants.

Key words: pragmatic matrix; narration subject; communicative perspective; perspective alternation.

Статья поступила в редакцию 20/X/2017.
The article received 20/X/2017.

* *Danilova Nina Konstantinovna* (danilova_nina@mail.ru), Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.